

Охота за счастьем и несчастьем

Алексей Варламов: «Главное – не ныть»

НГ Exlibris (прил. к Независимой) —
2006. — 23 марта. — с. 1-2

27 апреля в Москве пройдет церемония вручения премии Александра Солженицына. Лауреатом этого года стал писатель и литературовед Алексей Варламов. С премии и отношения к Солженицыну мы и начали наш разговор.

— Что вы сегодня думаете о Солженицыне?

— Я о Солженицыне украдкой еще ребенком слышал. Бабушка моя очень любила «Один день Ивана Денисовича», «Матренин двор» и «Случай на станции Кречетовка», но говорить об этом много остерегалась. И журналы с Солженицыным все в доме были уничтожены, поэтому читать его книги я начал только в университете. Из первых вещей, мной прочитанных, больше всего меня поразила книга «Бодался теленок с дубом». Было немало людей, недовольных советской властью, кухонные разговоры про тоталитарную систему, политические анекдоты, самиздатовские тексты, но так или иначе все вокруг или приспособливались, или уезжали. Все вступа-

ли в комсомол, в университете сдавали «Историю КПСС», «марксистско-ленинскую философию» и «научный атеизм». А встать во весь рост так, как встал Солженицын,

ке: и отношения с Твардовским, и диссидентское движение, и самиздат. И понимаешь, что разница между Солженицыным и диссидентами проходила именно через отношение

ском факультете, и там многое приходилось читать по обязанности, но я читал не только по принуждению, а потому, что литература как факт, как

способ познания жизни всегда была мне очень близка.

А мой самый любимый писатель XX века – Андрей Платонов. Оригинального в этом,

по всей вероятности, мало, но никогда бы не рискнул писать о нем книгу в серии «ЖЗЛ».

— А про кого еще рискнете?

— Я сейчас уже фактически закончил книгу об Алексее Николаевиче Толстом. Ее журнальный вариант вышел в журнале «Москва» в прошлом году под названием «Красный шут».

— Биографии – это ваш уход от нынешней жизни или ваш ответ на нее?

— Я не случайно выбрал этих трех авторов – Александра Грина, Михаила Пришвина и Алексея Толстого. Это были писатели, чей творческий путь начался до революции, которые очень по-разному, очень драматично революцию приняли, и вынуждены были выстраивать свои отношения с новой властью. Им выпало жить как раз в то самое время перемен, о несчастье жить в которое говорит известная китайская поговорка. В некотором смысле нам досталось нечто похожее. Они заходили в тот режим, мы из него выходим. Так что с моей стороны обращение к их судьбам – не бегство, а, как сказал Толстой про своего Петра, заход в современность с глубокого тыла.

ОКОНЧАНИЕ НА СТР. 2

У Солженицына твердость, а не закоренелость

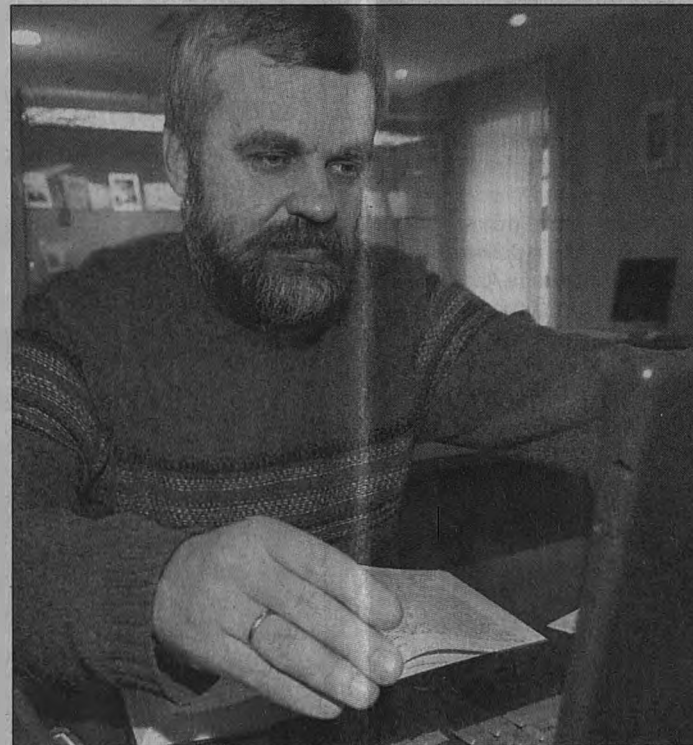
отказаться от любых компромиссов, жить не по лжи – на это в моем окружении мало кто был способен, включая меня самого, и солженицынская твердость меня более всего поразила и обожгла. Причем твердость эта не есть закоренелость. И того же «Теленка» сегодня надо читать, сопоставляя с автобиографическими очерками «Угодило зернышко меж двух жерновов».

Многое из того, что было автором сказано порою в западе в его очерках советской литературной жизни, подвергается в более поздней автобиографической прозе переоцен-

ке России: любовь и отзывчивость к нашим бедам у него, и высокомерие, презрение у многих из них. Поэтому, как бы ни менялся Солженицын, у него есть свои константы, свои точки опоры, и в моем понимании именно русскость его и есть самое дорогое и сокровенное.

— Среди героев ваших книг, уже вышедших в серии «ЖЗЛ», – Пришвин и Грин, и я так понимаю, что оба они – из числа любимых вами писателей. А кто еще?

— Я вообще очень люблю русскую литературу. Люблю ее как явление. Русское слово, речь. Я учился на филологиче-

Алексей Варламов исследует в прозе силу и хрупкость человеческой души.

Фото Артема Житенева (НГ-фото)